

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(13)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2007

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail russyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc@comtv.ru, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Россохватская, О. Курочкина*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 10.07.2007. Формат 70x100^{1/16}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 20,5. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2007
© Авторы, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Исследования

<i>В. М. Живов.</i> Язык и стиль А. П. Сумарокова.....	7
<i>Филипп Минлос.</i> Повтор предлогов в Новгородской первой летописи	52
<i>А. А. Пичхадзе.</i> О функционировании греческих книжных заимствований в древнерусском языке	73
<i>А. В. Сахарова.</i> К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи	85
<i>А. Родионова.</i> Форма <i>вѣшеть</i> в Рогожском летописце: образование, значение, употребление.....	114
<i>С. М. Шамин.</i> Слово «куранты» в русском языке XVII — начала XVIII в.	119
<i>М. Бобрик.</i> Полу-Ё. Из наблюдений над забытым памятником русского языка первой трети XIX века	153
<i>Т. В. Попова.</i> «Восточнославянские изоглоссы»: Некоторые итоги работы над темой.....	189
<i>С. В. Князев, Е. В. Шаульский.</i> Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений)	210
<i>О. В. Антонова.</i> О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи	225
<i>Т. Б. Радбиль.</i> Аномалии в сфере языковой концептуализации мира	239

Полемика

<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз о написаниях типа ТРОТ (на месте рефлексов праславянских сочетаний гласных с плавными) в рукописях XIII—XVI вв.	266
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

II Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Е. В. Колесникова, Д. М. Савинов).....	283
Хроника научной конференции «Семантика языковых единиц разных уровней» (А. Н. Еремин).....	289
Хроника научной конференции «Скрытые смыслы в языке и коммуникации» (Е. Н. Чиркова).....	291
Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2006 года (О. Г. Ровнова).....	297

Рецензии

М. А. Грачев. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006. 672 с. (Школьные словари) (В. В. Шаповал).....	306
В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Л. П. Крысин).....	314

Обзоры

А. К. Матвеев. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.	317
Типографский устав: Устав с Кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. Т. 1—3. М.: Языки славянских культур, 2006.....	318
Helmut Keipert. Das «Sprache»-Kapitel in August Ludwig Schlözers «Nestor» und die Grundlegung der historisch-vergleichended Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs «Slavin»-Artikel «Über die altslawonische Sprache nach Schlözer» und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov. Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit Michail Šmil'evič FajNSTejn. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 137 S. [Anhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Dritte Folge. Bd. 276].....	320
А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указатели В. Б. Крысько. М.: Языки славянских культур, 2006. 688 с. [Классики отечественной филологии].....	321
А. П. Майоров. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 262 с.....	322

Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. Тексты и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 331 с. [Памятники русской агиографической литературы].	323
В. М. Загребин. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб.: Альянс-архео, 2006. 304 с.	324

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. М. ЖИВОВ

ЯЗЫК И СТИЛЬ А. П. СУМАРОКОВА *

В отличие от В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, посвятивших лингвистическим проблемам обширные теоретические труды, А. П. Сумароков теорией почти не занимался, особенно в то время, когда Тредиаковский и Ломоносов были еще живы. Влияние Сумарокова на формирование русского литературного языка и его стилистических норм обусловлено не столько теоретическими разработками, сколько обширной и разнообразной литературной практикой. Как с современной точки зрения, так и по воззрениям, господствовавшим в XVIII в., литературная традиция, т. е. корпус образцовых в языковом и стилистическом отношении текстов, был одним из важнейших источников нормы литературного языка. Вклад Сумарокова в этот корпус был весьма значительным, по жанровому разнообразию и литературно-дидактической роли он, несомненно, перевешивал литературную продукцию других отцов-основателей новой русской литературы (Ломоносова и Тредиаковского). Как отмечает Амвросий Серебрянников в своей «Оратории российской», описывая корпус образцовых текстов русского литературного языка нового типа и имея в виду прежде всего произведения высокого стиля, «надлежит учиться из чтения древних и новых книг Писателей, каковы суть С. Отцы Греческие, а особливо творцы канонов, Панигиристы; более же всего С. Писание в повествованиях, песнях, псалмах, пророчествах, нравоучениях; из Российских писателей Г. Ломон. в одах, Г. Сумароков в одах же и трагедиях...» [Амвросий Серебрянников 1778: 155].

Таким образом, даже для высокого стиля, наиболее значимого в теоретических построениях XVIII в., Сумароков выступает как образцовый автор наряду с Ломоносовым, причем и здесь жанровый диапазон его сочинений шире ломоносовского: наряду с сумароковскими одами упоминаются его трагедии. Стоит сразу же заметить, что сумароковские трагедии ста-

---

* Данная статья была написана десять лет назад для академического издания од и элегий Сумарокова; это издание до сих пор находится в печати. Решившись печатать свою работу отдельно, я, однако же, не ставил целью учесть всю появившуюся с тех пор литературу и пополнить библиографию, ограничившись лишь самыми необходимыми дополнениями.

вились, пользовались популярностью, вошли в литературный канон и существенно повлияли на все развитие русской драматургии, тогда как две трагедии Ломоносова в последующем литературном развитии никакой роли не сыграли; не оказали они влияния и на эволюцию литературной стилистики. В литературном каноне Ломоносов представлен исключительно своими одами (прежде всего торжественными), Сумароков — как одами, так и трагедиями, если иметь в виду словесность высокого стиля. Если же говорить о менее престижных — с точки зрения литературной теории, но не литературной практики — жанрах (послании и элегии, идиллии и эклоге, песне и комедии), то здесь превосходство Сумарокова очевидно, и его роль в формировании корпуса образцовых текстов не подлежит сомнению. В определенном смысле именно Сумароков создает новую русскую литературу. Во всяком случае, именно он в двух эпистолах 1748 г. описывает полную классицистическую систему жанров, а в последующем своем творчестве эту систему реализует, причем не в единичных образцах, как это делает Тредиаковский в «Новом и кратком способе» 1735 г. [Тредиаковский 1735], а в массовой продукции, раскрывающей допустимое для каждого из жанров тематическое и стилистическое многообразие.

Сумароков недолго пробыл образцовым автором, и уже к концу XVIII в. его авторитет ставится под сомнение, его сочинения постепенно теряют популярность, а созданные им образцы стиля перестают играть эту роль. Отчасти это связано со скоропреходящим характером русского классицизма. Отчасти — с общим динамизмом русского литературного процесса второй половины XVIII в.: хотя Державина, Дмитриева, Карамзина и Муравьева отделяло от отцов-основателей новой русской литературы всего три или четыре десятилетия, они ощущали себя авторами иной литературной эпохи, вкусы и литературные навыки которой не имеют прямого отношения к задачам, решавшимся Сумароковым. В 1812 г. и литературные установки, и язык Сумарокова резко критикует А. Ф. Мерзляков [Мерзляков 1812: 86, 100, 102—103], а еще через четыре года Пушкин писал:

Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обзанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
.....

Нет, в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мением в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен

[Пушкин 1994: 166].

Позднее Пушкин может говорить и о «варварском изнеженном языке» Сумарокова [Пушкин, VII: 149], осуждая тем самым не только его литературные, но и стилистические принципы. Такой характер рецепции сказался на всем последующем восприятии сумароковского творчества, включая сюда и научное изучение. Между тем сколь бы краток ни был период сумароковского учительства, оно имело место, и его значение для формирования русского литературного языка и его стилистической системы было ничуть не меньшим, чем у его соперников — Ломоносова и Тредиаковского.

1. Общие лингвистические установки

Хотя, как уже сказано, филологические труды Сумарокова не столь обширны, его языковые позиции могут быть реконструированы достаточно полно. Так же как литературные позиции Сумарокова, его языковые установки восходят к языковым программам французского классицистического пуризма, и так же как литературные позиции, они не воспроизводят французские программы буквально, а представляют собой их существенную трансформацию, которую можно было бы назвать неадекватным переводом (см. о механизме неадекватного перевода [Кляйн 1990]). Таким же неадекватным переводом вожелизма были и языковые концепции Тредиаковского и Ломоносова, причем во всех трех случаях характер трансформации был схожим и определялся в первую очередь радикальными отличиями языковой ситуации в России XVIII в. от французской языковой ситуации времен короля-солнца. Отсюда не следует, конечно, что сходство между концепциями Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова было лишь типологическим. Сумароков вступает на путь профессионального литератора позже, чем два его соперника, на первых порах находится с ними в тесном контакте и поддерживает скорее дружеские отношения, так что естественно думать, что хуже образованный и менее заинтересованный в ученых предметах Сумароков непосредственно усваивает взгляды своих старших коллег. Полемика Сумарокова с Тредиаковским и Ломоносовым свидетельствует не о принципиальных концептуальных расхождениях между ними, а о возможности частных отличий в интерпретации отдельных пуристических требований; эти отличия к тому же актуализировались при полемической установке и могли никак не выражаться в особенностях языковой практики.

Несходство русской языковой ситуации с французской заключалось в следующих принципиальных моментах. Французский классицистический пуризм ставил норму литературного языка в зависимость от разговорного употребления социальной элиты (наиболее здоровой части двора, по словам К. Вожеля, определявшего употребление как «la façon de parler de la plus saine partie de la Cour» [Вожеля 1647: л. а1 об.]) и от литературной традиции, т. е. языка образцовых авторов. В русской ситуации оба эти принци-

пиальные ориентиры отсутствовали. Никакой нормализованной разговорной речью социальная элита не располагала, а литературная традиция, если подразумевать под ней *belles-lettres*, как во Франции, ограничивалась небольшим корпусом силлабического стихотворства да переводным или созданным по образцу переводного рыцарским романом; и то и другое в качестве литературной традиции русские авторы 1730—1740-х гг. радикально отрицали, вменяя соответствующие тексты в ничто. В силу этого критерии обработки литературного языка, взятые у французов, оказывались фиктивными и годились только для того, чтобы критиковать друг друга, а не для реального отбора и стилистической дифференциации языкового материала.

Опыт прямого перенесения теорий классицистического пуризма на русскую почву имел место в начале 1730-х гг., когда задача европейского устройства русского литературного языка нового типа впервые была осознанно поставлена. В. К. Тредиаковский писал о языке, «каковым мы меж собою говорим» [Тредиаковский 1730: предисл., л. 6 об.; III, 649], выдвигая тем самым в качестве первичного критерия разговорное употребление. О литературной традиции Тредиаковский в это время еще не упоминает, если не считать ссылки на «всех Спасского моста стихотворцев», которые, впрочем, по мнению Тредиаковского, «сказать да несолгать <...> не знают» [Там же: предисл., л. 7 об.; III, 650], т. е. могут служить лишь негативным примером, а отнюдь не образцом. Однако уже в 1734 г. некое подобие литературной традиции в теоретических рассуждениях Тредиаковского появляется. В «Рассуждении о оде во обще», говоря о стилистических особенностях оды («и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие слова»), Тредиаковский указывает на славянскую Псалтырь как на известный русскому читателю образец: «Охотник Россииский может приметить высоту слова, какова должна быть в Одах, в псалмах святого Пииты псалтирическаго, то есть блаженнаго Пророка и Царя Давида» [Тредиаковский 1734: л. 14 об.].

Здесь впервые в качестве литературной традиции — субститута образцовых авторов западноевропейских теорий — выступают «церковные книги», о пользе которых впоследствии пишут и Ломоносов, и Тредиаковский, и Сумароков. Понятно, что этот ориентир литературного языка никак не согласовался и даже вступал в прямое противоречие с другим критерием, усвоенным от тех же западноевропейских учителей, — с разговорным употреблением. Церковные книги были написаны по-церковнославянски, разговаривали в России по-русски. Два этих разнонаправленных ориентира и определяли последующее развитие теоретической мысли о русском языке. Поскольку разговорное употребление как декларируемая концепция было в большой мере фикцией, а церковные книги существовали вполне осязаемым образом, именно этот последний ориентир делался основным и подчинял себе прочие постулаты лингвостилистической теории. Чтобы пользоваться этим ориентиром, церковнославянский и русский должны были рассматриваться как один язык, и именно это понимание утверждает-ся у русских теоретиков в 1740-е гг.

У Третьяковского концепция единства русского и церковнославянского вырастает в тезис о единстве их «природы», что предполагает и взаимопонятность, и структурную общность, и общность большей части словаря. У Ломоносова в «Рассуждении о пользе книг церковных» «славенский» и «российский» выступают как стилистические регистры одного языка. Взгляды Сумарокова не имеют подобной теоретической законченности, однако сводятся к тому же общему представлению. В Эпистоле о русском языке 1748 г., говоря об источниках его «богатства» (изобилия), он пишет:

Имеем сверх того духовных много книг:
Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
И бегучи по ней, как в быстром море судно,
С конца в конец раз сто промчался безразсудно.
Коль, АЩЕ, ТОЧИЮ, обычай истребил;
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины поныне неотменно,
То, может быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык, не тот, что в книгах чтем,
Которы мы с тобой, не Русскими зовем.
Он тотже, а когда б он был иной, как мыслиш,
Лиш только от того, что ты его не смыслиш;
Так чтож осталось бы при Русском языке?

[Сумароков 1748: 7]

Таким образом, хотя церковные книги (Псалтырь) могут называться «не Русскими», они написаны на том же языке, который Сумароков и его собеседники именуют русским. Взятые из этих книг слова могут свободно употребляться в литературном языке (исключение таких слов привело бы к его катастрофическому обеднению — «Так чтож осталось бы при Русском языке?»). Не должны употребляться лишь те церковнославянские слова, которые «обычай истребил», т. е. слова, ставшие архаизмами. «Обычай», который их истребил, являет собой, конечно, пуристический usage, однако понятие это предстает в радикально трансформированном виде — имеется в виду не разговорное употребление, а употребление письменное — употребление внутри литературной традиции; имею в виду всю ту совокупность неделовых текстов, которая была написана и напечатана в первой половине XVIII в., и прежде всего тексты переводные (об употреблении союзов *аще* и *точию* в текстах этого типа см. [Хютль-Фольтер 1996: 118, 128, 215—218]). При ином понимании «обычая» указание духовных книг в качестве особого источника теряло всякий смысл: если из церковных книг можно брать лишь то, что сохраняется в разговорном употреблении, это употребление оказывается самодостаточным источником, не нуждающимся в дополнении церковными книгами. В этом случае о церковных книгах не стоило и упоминать.

В трансформированном таким образом классицистическом пуризме реинтерпретации подвергается прежде всего понимание источников чистоты

и правильности языка. Происходит сдвиг от употребления как основного критерия, которое, по определению Вожега, «tout le monde appelle le Roy, ou le Tyran, l'arbitre, ou le maistre des langues» [Вожега 1647: л. а1 об.], к множественному определению источников чистоты и правильности, когда в их числе наряду с употреблением фигурируют грамматика (грамматические правила) и литературная традиция. Нельзя сказать, что у французских теоретиков литературная традиция и грамматические правила не играли никакой роли¹, однако у их русских последователей имеет место смещение акцентов: если у французов два последних источника отодвинуты сравнительно с употреблением на второй план, то у русских именно они выдвигаются на авансцену, тогда как употребление определяется нечетко и неконкретно, так что не всегда ясно, идет ли речь о разговорном употреблении или употреблении письменном, об узусе социальной элиты или об узусе ученых филологов, которые в своей разговорной речи соблюдают традиции и грамматические установления.

Такая реинтерпретация пуристических критериев происходит и у Ломоносова, и у Третьяковского. Так, например, Ломоносов в «Риторике» 1748 г. ставит чистоту «штиля» в зависимость «от основательного знания языка, от частаго чтения хороших книг, и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц; в третьем старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают. Что до чтения книг надлежит, то перед прочими советую держаться книг церковных...» [Ломоносов, III: 219; VII²: 236—237]. «Основательное знание языка» подразумевает грамматику, в качестве литературной традиции выступают церковные книги, а употребление оказывается речью людей, «которые красоту языка знают и наблюда-

---

¹ При всем влиянии Вожега уже с конца XVII в. начинаются попытки создать концепцию, в которой употребление уживалось бы с разумом, т. е. концепцию, совмещающую вожегаизм с картезианскими идеями (идеями Пор-Руаяля — ср. [Капо, I: 245]). Эти попытки, нашедшие наиболее яркое выражение в «Риторике» Б. Лами [Лами 1737], оказали несомненное влияние и на Роллена, и на Готтшеда, и на ряд других авторов (например, на Тома и Гримаре), с которыми так или иначе были знакомы русские филологи. Основным для возникавшего таким образом рационалистического пуризма было понятие разумного употребления. В этом плане переосмыслиется идея двух употреблений в языке — хорошего и дурного. Если у Вожега хорошее употребление принадлежало двору, а дурное — черни (социолингвистический критерий), то в рационалистическом пуризме хорошее употребление — это употребление «разумных», ученых, знающих грамматику (как дань традиции сюда могут зачисляться и придворные), дурное же — употребление невежд (той же черни, но в ином модусе). Поэтому очищение языка связывается с правилами, грамматической традицией, рациональным началом в языке. Иррационализм Вожега может подвергаться критике, а просвещение связывается с грамматической нормализацией и установлением правил (ср. [Капо, II: 20]).

ют», т. е. ученых филологов, что лишь повторяет апелляцию к грамматике (но вместе с тем позволяет по видимости не отступить от европейских образцов).

Подобное же определение источников чистоты и правильности языка можно найти и у Сумарокова, и это указывает на общность его теоретических воззрений с концепциями его литературных противников. Критикуя встречающиеся у Ломоносова формы прилагательных им.-вин. ед. м. р. типа *бывшей* (вместо *бывшій*), Сумароков в статье «К несмысленным рифмоторцам» пишет: «А то еще и странная, что многия правилу сему, ни на естестве языка, ни на древних книгах, ни на употреблении основанному, следуют» [Сумароков, IX: 279]; то же и в позднейшей статье «О правописании»: «...Сие нововведенное правило, не имеет основания, ни на свойстве языка, ни на древних книгах, ни на употреблении: а единственно на произволении г. Ломоносова» [Сумароков, X: 6]. Таким образом, наряду с употреблением в качестве источника правильности и чистоты выступают «естество языка», что практически означает грамматику, и «древние книги», т. е., надо думать, церковные книги, которые являются субститутом литературной традиции. Отличие от Ломоносова сводится в сущности лишь к формулировкам.

Сумароков, правда, может в отдельных случаях противопоставлять употребление и правила, но делает он это исключительно, когда полемизирует со своими оппонентами и защищает собственную языковую практику. Когда Тредиаковский обвиняет его в нарушении правил, Сумароков оправдывается, ссылаясь на употребление. Так, например, по поводу написания существительных ср. рода на *-ие* через *-ье* Сумароков замечает: «Вольности *Паденье, Желанье*, за *Падение, Желание* и протч. называет он (Тредиаковский. — В. Ж.) подлым употреблением. А то употребляют все, лутче бы он говорил, что то не правильно, а не в подлом употреблении» [Сумароков, X: 99]. Сумароков, однако, отнюдь не заявляет, что нужно следовать употреблению и пренебрегать правилами, но мелкие отступления от правил считает допустимыми в поэзии вольностями, порою создающими особую приятность стиха. Отвечая на другое возражение Тредиаковского, Сумароков говорит: «А я употреблению с таким же следую рачением как и правилам: правильныя слова делают чистоту, а употребительныя слова из склада грубость выгоняют, на пример: Я люблю сего, а ты любишь другаго, есть правильно; но грубо. Я люблю етова, а ты другаго. — От употребления и от изгнания трех слогов *го* и *гаго* слышится приятняе» [Там же: 97—98]. Сумароков не утверждает, что следовать надо употреблению, а не правилам, или, напротив, правилам, а не употреблению; он лишь обращает внимание на то, что в некоторых случаях разные ориентиры дают разный результат, и в этих (не особенно, впрочем, частых) случаях полагает, что выбор должен зависеть от вкусов и намерений автора.

Нет оснований считать, как это делал в свое время Б. А. Успенский, что «Сумароков в „Эпистоле о русском языке“ ориентирует русский литера-

турный язык на разговорное употребление... выступая при этом как противник славянизмов... Эта языковая программа соответствует взглядам, провозглашенным в свое время молодым ТрEDIAKОВСКИМ, — последователем которого, в сущности, и является Сумароков» [Успенский 1984: 92] (ср., впрочем, иную точку зрения, высказанную позднее: [Гринберг, Успенский 1992: 195]). Сумароков, конечно, может сослаться на употребление, но то же самое делают и Ломоносов с ТрEDIAKОВСКИМ (немолодым). Его высказывания, приведенные выше, равно как и его языковая практика никак не согласуются с радикальной установкой на употребление (типа декларированной молодым ТрEDIAKОВСКИМ): литературный язык и у него, как и у его соперников, объединяет церковнославянские и русские образования, а специфические формы разговорного языка узакониваются не как нормативные, но как допустимые варианты и употребляются спорадически².

Как и у других авторов рассматриваемого периода, хорошее употребление понимается скорее как правильная, следующая норме речь, чем как узус определенной социальной группы (двора, элиты); соответственно и дурное употребление, которого следует избегать, представляется речью, нарушающей правила. Сумароков пользуется понятием «худова и просто-народного употребления» [Сумароков, X: 22], однако социальные параметры являются здесь данью европейскому филологическому дискурсу. Вряд ли правы поэтому М. С. Гринберг и Б. А. Успенский, полагая, что «дурное» или «подлое» употребление рассматривается Сумароковым «строго в социолингвистическом плане» [Гринберг, Успенский 1992: 209]. Во всяком случае, в своей поздней статье «О правописании» (1768—1771) Сумароков пишет о том, что неграмотные (не получившие грамматической вы-

² Говоря о протесте Сумарокова против славянизмов, Б. А. Успенский и ряд других исследователей приводят насмешки Сумарокова над ТрEDIAKОВСКИМ в «Тресотиниусе» или полемические замечания в «Ответе на критику». Так, в «Тресотиниусе» педант Ксаксоксимиус (пародия на ТрEDIAKОВСКОГО) говорит: «По-даждь ми перо, и абие положу знамение преславнаго моего имени, его же не всяк язык нарещи может» [Сумароков, V: 322]. В «Ответе на критику» Сумароков упоминает «не употребительныя ныне слова *ижже, яже* и *еже*, которыя хорошо слышатся в церковных наших книгах, и очень будут дурны, не только в любовных, но и в геройских разговорах» [Сумароков, X: 98]. Речь здесь идет, однако, об элементах церковнославянского, которые ни ТрEDIAKОВСКИЙ, ни Ломоносов не употребляли. Они были такими же «обветшалыми», исключенными из нормы нового литературного языка формами, как *аще* и *точию*, о которых Сумароков пишет в «Эпистоле о русском языке». Приписывая подобные формы ТрEDIAKОВСКОМУ, Сумароков стремится изобразить его как педанта, вытаскивающего на поверхность никому не известные и никому не нужные слова. Такой прием откровенно полемичен и обусловлен конкретной полемической задачей. Никакого отношения к ориентации на употребление или к вопросу о допустимости «необветшалых» славянизмов, активно употреблявшихся как ТрEDIAKОВСКИМ, так и Сумароковым, эти высказывания не имеют.

учки) авторы, насаждающие дурное употребление, пользуются успехом у «благороднейших читателей», т. е. у социальной элиты: «А иныя пишут и стихотворствуют и ни где ни чему не обучаяся, и еще сим величаются, что они нигде и ни чему не училися и не только упражняются во сочинениях но и в высочайших родах стихи сочиняют: а что их сочинения гнусны; так етому ни они ни большая часть благороднейших читателей не верит: а они врут со славою. О невежество, что тебя почтение, полезная и легче на свете!» [Сумароков, X: 38]. Ясно, что хорошее употребление связывается, как и у Ломоносова и Тредиаковского, не с социальной принадлежностью носителей, а с их образованностью, так что и здесь позиции Сумарокова и его литературных противников не различаются.

Употребление у Сумарокова (как и у его современников) оказывается, таким образом, во многом фиктивным критерием. Он ссылается на него непоследовательно и несистематически, в основном для оправдания своих погрешностей в языке (которые он и сам признает погрешностями), и часто, как уже говорилось, остается неясным, что имеется в виду под употреблением, в частности, говорится ли об устном употреблении (основном понятии вожеластицкого пуризма) или об употреблении письменном (к которому вожеластицкий пуризм не обращается) (ср. [Гринберг, Успенский 1992: 209]). Поэтому существенно более важными для Сумарокова (и в этом случае в полном согласии с его литературными противниками) оказываются два других источника языковой чистоты — грамматические правила и литературная традиция. О важности грамматического учения и грамматических правил Сумароков пишет неоднократно, особенно в поздние годы, когда умер Ломоносов и сошел со сцены Тредиаковский, попрекавшие его недостаточной ученостью, и он стал ощущать и подавать себя как единственного практикующего мэтра (неслучайно он переиздает в это время две свои эпистолы 1748 г. с характерной переменной названия: «Наставление хотящим быти писателями» [Сумароков 1774а], ср. [Клейн 1993: 56—57]). Он говорит о том, что «невежи и безграмотныя люди» портят язык [Сумароков, X: 46] и что он «испортится еще больше, когда Правописание и Грамматику за дело малонужное почитати не перестанут» [Там же: 20], что «наши многия писцы почти всегда грешат; ибо Грамматики не знают» [Там же: 22]; жалуется на то, что «в школах... Грамматике Российской не учат» [Там же: 37] и т. д.

Впрочем, и в более раннее время Сумароков восстает не против правил вообще, а лишь против излишней регламентации. Отсутствие правил, на его взгляд, обедняет выразительные возможности языка. Так, в статье «К типографским наборщикам» он говорит: «Что меньше правил, то легче языку научиться, а некоторые думают, что в легкости языка немалое состоит достоинство; однако тот Алмаз не дешевле, которой легче. Мне думается, что в умеренной тягости языка больше найти можно достоинства, по тому что от того больше разности, а где больше разности, там больше приятности и красоты, ежели разность не теряет согласия. Трудность языка к нау-